



Праздник у полюсов

Радужные трассы сигнальных ракет прочертили темноту южнополярной ночи над советскими обсерваториями и станциями в далекой Антарктиде. Свыше трехсот ученых и специалистов, несущих научную вахту на шестом континенте, отметили Первой торжественными митингами, шествиями, собраниями. «Хоть по календарным срокам у нас не весна, а глубокая осень», — радируют руководители экспедиции, — и морозы достигают 50-градусной отметки, на строительстве у полярников самое праздничное и весеннее. В такие дни по-особому глубоко и четко ощущаем единение со страной, ее народом, великой партией».

На радиомачтах под соленым ветром Южного океана рядом с альми полотнищами флагов СССР развеваются флаги ГДР и Кубы, ученые которых проводят зимовку в составе нашей антарктической экспедиции и вместе с советскими друзьями отпраздновали Международный день солидарности трудящихся.

На противоположной стороне планеты яркими искрами вспыхнули под незаходящим солнцем ледяные кристаллы «кремлевской стены», которую рядом с кают-компанией сложили из снежных блоков полярники дрейфующей научной станции «Северный полюс-26».

«Нас 26 человек, — сообщает начальник станции Г. Воинов. — Сердцем и мыслями каждый — в рядах многотысячных праздничных колонн вместе с родными, друзьями, вместе с любимой Родиной».

(ТАСС).

Дизель-быстроход

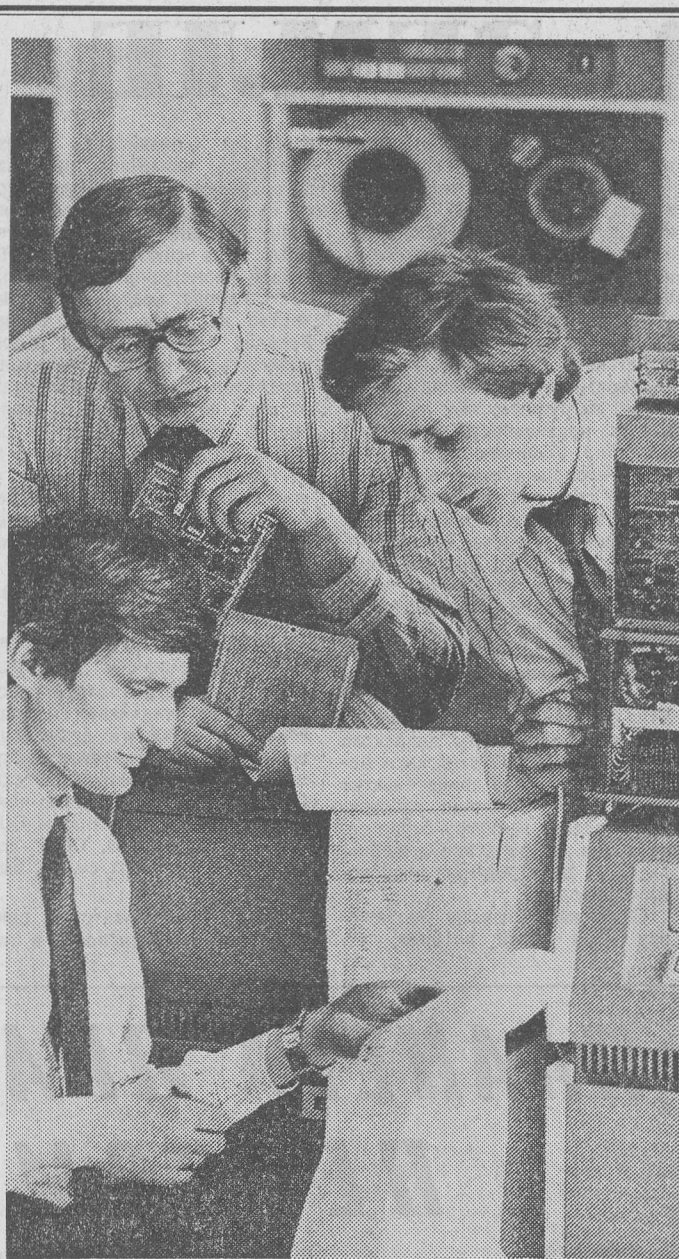
Семейство отечественных дизелей пополнилось интересной новинкой, которая найдет широкое применение в самых различных областях техники.

В творческом содружестве с ленинградскими специалистами Центрального научно-исследовательского дизельного института коллектив объединения «Юждизельмаш» в городе Токмаке Запорожской области изготовил головной образец нового двенадцатицилиндрового двигателя. Он прошел всесторонние испытания и принят к серийному производству.

Быстроходный четырехтактный дизель мощностью 600 лошадиных сил будет устанавливаться, как считают специалисты, на тепловозах, в буровых установках, на речных судах, а также может использоваться в качестве приводов электрических машин и компрессоров. Его моторесурс повышенный — 25 тысяч часов до капитального ремонта.

В. АЛЮШИНСКИЙ.

ЛЕНИНГРАД.



СОЗДАТЕЛИ НОВОЙ ТЕХНИКИ

Продукция Дмитровского завода фрезерных станков находит широкое применение во многих отраслях народного хозяйства. В настоящее время на предприятии освоено выпуск роботизированных комплексов, состоящих из обрабатывающих центров и промышленных роботов. Производительность труда от внедрения таких комплексов повышается в 5—7 раз. Большие задачи стоят перед коллективом завода в 1984 году. Намечено увеличить выпуск продукции, обеспечить прирост производительности труда на 4,1 процента, снизить себестоимость продукции на 0,5 процента, улучшить условия труда за счет дальнейшего внедрения автоматизации и механизации производственных процессов.

На снимке (слева направо): программист Ю. Беневольский, заместитель главного инженера завода А. Павлов, начальник АСУП А. Полозун ведут подготовку управляющих программ для роботизированных комплексов.

Фото Б. Хасянова.

Зеленый цех

Свежие огурцы и зеленый лук появились на прилавках мурманских магазинов. Чтобы в достатке обеспечить жителей заполярного города витаминной продукцией в межсезонье, строители на полгода раньше запланированного сдали в эксплуатацию новые мощности на местном тепличном комбинате.

За счет досрочного ввода объектов комбината здесь с начала пятилетки выросли сверх плана около трех тысяч центнеров помидоров, огурцов и других овощей.

(ТАСС).

МУРМАНСК.

В который раз я уезжал из дома. И в который раз подумалось: как много значит для каждого из нас родной дом, и, наверно, нет человека несчастнее, чем существо без роду и племени, которому все едино: где жить, где умирать.

ПАВЕЛ Иванович Гусев помнит, как парнишкой ездил с отцом в лес. По зимнику возили заготовленные бревна. Неошкуренные сосновые хлысты волочились, гремя на выбоинах, глухо звеня.

Помнятся разговоры о том, как лучше рубить: «в лапу» или «в охряпку». По весне уже пахло свежей сосновой щепой, смоляные слезы янтарно горели на солнце. Гулкий стук топора, веселое вжиканье пил... Дом поднимался не медленно и не быстро, а так, как и должно, когда строишь, рассчитывая не на одну свою жизнь. Сложили печку, большую и крепкую, как ладю. В потолок вбили крюк с кольцом — для зыбки. Взрослея, наливались молодой силой меньше обитатели дома. Работали дружно и умело.

Великое и трудное время переживала страна. В газетах звучали слова «темпы», «качество», «индустриализация», «пятилетку — в четыре года». Газетные строчки будили воображение. Дом казался тесным, хотелось уехать в большие города, участвовать в больших и новых делах.

Первым уехал в Ленинград Алексей. Учился в школе ФЗО при Балтийском заводе, потом в судостроительном техникуме. С десяти вечера уже неудержимо клонило в сон, занятия иногда кончались и за полночь. Полуустой трамвай, гремя на стыках, резал сырую тьму. На жесткой дощатой скамье дремал, приваляясь к холодному стеклу, будущий кораблестроитель, который днем уже нарабатался на заводе.

Утром в бессильной ярости громыхал на столе латунный будильник. Но хозяин скрипучей железной койки вскакивал только на последних, особенно гневных переливах трескуна.

Позже в этой комнате жили маленькой коммунальной уже два брата: средний и старший. Алексей и Павел. Были споры о текущем моменте, разговоры об учебе, о доме, который все чаще снился по ночам. Но и Питер (как по старинке называли Ленинград) уже становился по-домашнему привычным.

Молодые годы. Где они? Глянешь назад, и сердце замрет — так много осталось позади...

.. Узкая тропинка петляет среди сугробов. В метель ее быстро заносит, и дом напоминает корабль, который лег в дрейф, чтобы переждать бурю. Зимой Павел Иванович остается здесь в одиночестве. Хозяйка уезжает в Ленинград к детям. Долгие зимние вечера коротает вдвоем с большим серым котом. Иногда разговаривает с ним, браня за лень и привередливость в еде. Голубой экран телевизора приносит тревожные вести. Близкий Восток, Африка, маленькое государство Никарагуа... Нет в мире покоя, нет его и в сердце старого человека.

Он скуп на слова, упрям в своих убеждениях и поступках. Ему еще мальчишкой пришлось взвалить на плечи взрослую но-

Отечество ДОМ

шу. Отец в первую мировую попал в плен и домой вернулся только к девятнадцатому году. Обратного пути в детство не бывает. Так и остался Павлуша Гусев маленьким мужичком, хозяином.

В Ленинграде работал он на заводе «Вулкан», в промартели «Металлокомбинат». С гордостью называл себя рабочим. Поступил учиться снова на рабфак, а оттуда в институт. Жизнь впереди казалась ясной. Освоил кузнечное дело, стал помощником мастера, бригадиром. Вступил в комсомол, потом подал заявление в партию.

Алексея, по праву старшего, поучал, посмеивался иногда над ним. Брат не обижался. Характер на характер. Жить тем не менее дружно. Скучали, не признаваясь в этом, по дому. Каждое письмо от родителей читали и перечитывали. В деревне жилось несладко. Большая семья, большие заботы.

Однажды, получив отпуск, старший из братьев Гусевых поехал домой. Запах родной земли, разве забудешь его... Сердце ликовало, хотелось бежать вприпрыжку. Но в дом вошел, сохраняя солидную неторопливость.

ПОХОЖА на хутор деревня Подол Пять изб, кузница, баня, огороды, колодец за дорогой. Он и сейчас на том же месте. Года три назад меняли стуб, чистили, выскребая залившееся дно. Колодец еще послужит. Тропа вдоль жердальной изгороди велет к озеру. Ночью в низине переключаются дергачи, волглым запахом тумана тянет оттуда...

Нет уже в живых Алексея. Обелиск со звездочкой в гореде Чудове — последнее пристанище честного, работающего русского человека... Потрезожено и мало спит по ночам брат его Павел. В памяти, в снах, волнуящих душу, он еще молодой и сильный, все у него впереди. А прооснешься и чувствуешь: семь десятков нелегких лет и зим уже отмерено.

Лесняга обезюдела. Крапивою запосло то место, где стояла кузница отца. А, бывало, веселый железный звон спозаранок будил округу. Отец поднимался рано и пропадал в кузне до поздна. Слаботанное его руками дверные ручки, щекотлы, ухваты и сейчас исповно служат людям. Скромный памятник мастеру. Ивана Григорьевича Гусева несли за редкое умение сделать самую замысловатую вещь.

Старая береза, под которой в хороший год собирают грибы, растет под окнами соседнего дома. О том, что был он когда-то, напоминают замшелые камни

фундамента. По весне на березу прилетает кукушка и, словно в насмешку, кукует и кукует, обещающая жизнь такую длинную,

какая не снилась и кавказским долгожителем. А может быть, она считает непрожитые годы тех, кто не вернулся сюда со страшной войны?

Братья Гусевы — Леонид, Николай, Василий — похоронены вдали от родного дома. На Пискаревском кладбище в Ленинграде, под Брянском, на польской земле.

Первую похоронку принесли в сорок первом. Немногого обогнав ее, пришло письмо, в котором Леонид писал, что попал в окружение, двенадцать дней выбирался болотами, питался одной клюквой, сильно ослабел и сейчас лежит в госпитале. «Вот немного окрепну и опять попрусь на фронт». Во второй раз он оказался в госпитале после ранения и отсюда уже не вышел.

Николай погиб в брянских краях. Скупые слова на казенном бланке: «Пал смертью храбрых...» Больше о нем ничего не известно.

Не по годам серьезный военный летчик пристально смотрит с пожелтевших довоенных фотографий. «1 марта 1945 года лейтенант Гусев и воздушный стрелок Мальшев в 14.05 минут над целью на первом заходе при вводе в пикирование прямым попаданием снаряда зенитной артиллерии противника сбиты в районе 1 км, севернее Торнова. Самолет рассыпался и упал в районе цели. Экипаж погиб». (Выписка из архива бывшего 106-го штурмового авиалюка). Совсем недавно отыскались люди, служившие в одной части с Василием. Авиатехник Хурчак Алексей Петрович (он живет в Астрахани) прислал фотографию: на фюзеляже самолета надпись — «За Васю Гусева!».

Не раз случалось мне бывать в этом большом гостеприимном доме Александра Павловна — редкой домовитости хозяйка. Дом ее стараниями сохранил свою живую, неповторимую душу. Каждая вещь живет здесь долгой и полезной жизнью. Запах сена, чистых полов, печного тепла, замеренное тиканье будильника на комод.

Ближний лесок — Санькино болото — в середине лета дарит грибами-подосиновиками. С июня по сентябрь население деревни заметно прибывает. Приезжают дачники из Ленинграда. Гостят взрослые дети с семьями. Домом полноправно распоряжаются внуки. Громко хлопают тяжелые двери. Троица возвращается в дом только ночью. Кукушке в эту пору есть кому обещать длинную вереницу лет. Твой дом — единственное на земле место, куда не устает возвращаться. И только там понимаешь, как много значит для те-

бя старые бревенчатые стены, пыльный чердак со сломанным верстаком, запах антоновских яблок, закопченная банька в огороде.

Думал ли Павел Гусев, что краткий отпуск на родину в 1932-м растянется для него на всю оставшуюся жизнь? Вряд ли. С легким сердцем планировал: «Вот помогу немного и назад, в Питер». Но вышло иначе.

Работал счетоводом в колхозе «Верный путь», директором сельмага в Кобоже, завтором, председателем сельпо. Был инструктором райкома партии, заведующим орготделом. В армию не попал по болезни. Медицинская комиссия вчистую освободила от военной обязанности.

В сорок втором, когда набирали кандидатов в школу политруков, чуть было не уехал на фронт. Но в военкомате, прочитав заключение врачей, дали полную отставку.

В Тихвине, где оказался по служебным делам, случайно встретился с Алексеем. Брат в сапогах и гимнастерке ждал отправки своего эшелона. Алексей расспрашивал, как дела дома, сказал, что был в партизанском отряде, а теперь вот едет на фронт. Распрощались, не надеясь на скорую встречу. Так и вышло. Домой Алексей вернулся в сорок пятом с четырьмя нашивками за ранения, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Работал, растил детей. Но сказывались раны, болело сердце, натруженное войной и послевоенной разрухой. И вот остановилось... Из всех братьев остался только Павел.

ДОМ за годы войны поскучнел, ссутулился, как убитый горем человек. Выветрился смолистый сосновый дух. Не время было заниматься своим жилищем. Была бы крыша над головой. Работали, не зная отдыха, на пределе сил.

В МТС, куда начальником политотдела назначили Павла Ивановича Гусева, трактористов заменили девчонки, вчерашние школьницы. Сколько сейчас пролило ими у никак не желающих заводиться ХТЗ с газогенераторными двигателями... Но пахали и сеяли не хуже мужиков. Рекордные по тем временам урожаи снимали в колхозах. Село откладывало себе во всем, случалось, голодало, но страну кормило. Кормит и сейчас. И маленькая деревня Подол, пусть незаметное, но несет свое зерно в каравай страны. И дети, выросшие здесь, верно служат огромной стране. Притяжение родного дома для них с годами не слабеет, перерастает в потребность вернуться к тому, от чего ты ушел. Это — не от разума, скорее, от сердца.

Деревня Подол не обозначена на карте страны. Дом, который окнами своими смотрит на поле и дорогу, ничем не знаменит. Люди, что жили и живут здесь, дахали землю, уходили на войну, как могли, приближали Победу, чтобы все мы жили в мире и радости.

В. КРАСНОВ.

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛ.

КНИГИ: НОВИНКА НЕДЕЛИ

ДРАГОЦЕННАЯ ДОЛЯ СЕКУНДЫ

Нет, речь пойдет не о спорте и даже не о каких-то чрезвычайных ситуациях, где время не терпит и все решают даже не секунды, а доли их.

Через несколько дней, девятого мая, настанет торжественный и скорбный момент — минута молчания, «И Россия — мать родная — почтень всем отдаст сполна» (А. Твардовский).

Всем... От первого захлебнувшегося кровью пограничника, от сонного ребенка, сраженного осколком бомбы июньским воскресным утром, до «наших стриженных ребят», бойцов, павших в последние минуты войны, до женщин и подростков, еще долго потом подрывавшихся на оставленных ею минах, до тех ветеранов, кто вернулся домой в рубцах и шрамах и умер «мирной», «гражданской» смертью.

Их были десятки миллионов, и я не знаю, какая доля секунды из той грядущей минуты молчания приходится на каждого, но она поистине драгоценна.

«Вспомним поименно» — так слегка измененной строкой из стихов Роберта Рождественского назвал Г. О. Зиманас, в войну первый секретарь подпольного Южного обкома Компартии Литвы, свою книгу о Герое Советского Союза Губертасе Борисе (Издательство политической литературы).

Губертас Бориса — лишь один из активных борцов с фашистами, действовавших в сложнейшей обстановке оккупированной Литвы. И в книге, несмотря на ее малый размер, хорошо ощущаются и размах этой борьбы, и ее драматизм.

Рассказав о действиях своих товарищей, партизан и подпольщиков, автор замечает:

«Было бы неверно думать, что на их пути были только победы и удачи. Герои несли большие потери, особенно на первых порах».

В марте 1942 года почти полностью погибли две оперативные группы, брошенные в Литву на самолетах, в том числе их руководители, второй секретарь ЦК Компартии Литвы И. Мескупас-Адомас.

С какой-то неостывшей за десятилетия, минувшие с той поры, болью говорится в книге и об этих потерях, и о допусках некоторых смельчаками просчетах, проявленной ими опрометчивости, дорого обошедшейся и им самим, и в конечном счете самому Губертасу Борису.

«Поименно вспоминаются» многие, кто действовал вместе с ним, чем-либо помогал ему, стремился уберечь его, раненого, от похищения и гестаповских ищек. Живые и те, кто, как младший брат героя Владас, тоже сгнули в гитлеровских застенках.

А было все это уже совсем незадолго, за два с половиной месяца, до освобождения республики от фашистских оккупантов. И прочитав об этом, я неволь-